

В «Смене» № 23 за 1988 год была опубликована статья Николая Черкашина «Реквием по линкору». Речь шла о гибели линкора «Новороссийск» в конце октября 1955 года в Севастопольской бухте. Государственная комиссия под председательством заместителя Председателя Совета Министров СССР тов. Малышева пришла тогда к выводу, что наиболее вероятной причиной гибели линкора был взрыв немецкой мины, оставшейся на грунте со времен войны. Одновременно допускалась и вероятность диверсии. Николай Черкашин считает причиной взрыва диверсию и «не согласен с версией о связке ящичных мин, которые якобы ушли в грунт...». Причиной неверия в возможность «минной версии» послужили мнения некоторых моряков, служивших тогда на флоте. Ряд их высказываний совершенно не соответствует тому, что было изложено государственной комиссией в обоснование «минной версии». В статье, например, говорится о часовом приборе (приборе срочности) с тройной пружиной. Однако в рассматриваемом типе мин (ящичных) его применение невозможно. Такие приборы применялись в другом типе немецких мин.

Запуск часового механизма прибора срочности производился при прожиге диска гидростата давлением воды. При этом происходило расстопорение часового механизма и толкание его волоска. Это могло быть выполнено, если при приготовлении мины был предварительно взведен рычаг толкания. При невзведенном рычаге толкание волоска не происходило и часы могли не пойти. Каким образом могла взорваться мина?

В 1944 году при уходе из Севастополя немцы произвели постановку мин в бухте. Носитель, производивший постановку мин вдоль левого берега бухты, имел, вероятно, на борту мины, в которых запальное устройство было присоединено к электрической схеме замыкателя. Это предположение основано на том, что одна из этого ряда мин взорвалась под тральщиком в 1945 году. У мины, поставленной в районе бочки № 3, прибор срочности не запустился, видимо, потому, что не был взведен рычаг толкания. Запуск прибора мог произойти и через 11 лет, когда мину задел («толкнул») якорь (или цепь якоря) линкора.

Николай Черкашин пишет, что «Новороссийск» отдал якорь примерно в 19.00—19.30. Якорь-то и мог задеть мину. От «толчка» запустился прибор срочности и, отработав 6—6,5 часа, в 1 час 30 минут подключил электрическую батарею мины к электрической схеме замыкателя. Замыкатель мины, имея над собой огромную магнитную массу, сработал и подал питание на запальное устройство, которое взорвало мину. В статье приводится выдержка из письма тов. Тусменко, рассказывающего, что «по заданию комиссии была произведена серия экспериментов: поочередно взрывали все известные мины, состоявшие на вооружении немецкого флота». Но у нас на флоте не имелось ни одного образца немецких мин!

По заданию госкомиссии были произведены взрывы двух мин отечественного образца, имевших аналогичное немецкой мине количество взрывчатого вещества в тротиловом эквиваленте. Одна мина была взорвана на грунте на глубине, равной той, где стоял линкор; вторая — на поверхности. Из разговора с членами комиссии мне стало известно, что воронка от мины, взорванной на грунте, похожа на воронку под линкором. Говорили и то, что сейсмограмма при этом была аналогична взрыву под линкором.

Дня через два после взрыва линкора производилось обследование грунта в районе взрыва. Однако никаких деталей от

мин не было обнаружено. Да практически это было невозможно сделать. Второй взрыв с яркой вспышкой тогда объяснили тем, что взорвался находившийся на верхней палубе линкора катер, полностью заправленный топливом.

Возможность «минной версии» подтверждается следующим. Летом 1956 года в севастопольской бухте «Южная» была обнаружена ящичная мина. Ее приподняли понтоном до углубления 5 метров и отбуксировали в бухту «Камышевая». После разоружения мины инженер-капитан-лейтенантом Заблодским Б. А. было установлено, что прибор срочности работал и ему осталось работать еще двое суток; следовательно, во время подъема мины (в момент ее толчка) запустился прибор срочности. Значит, если бы эту мину (когда она была на грунте) ударило якорем, то ее прибор срочности запустился бы и схема мины сработала бы на «взрыв».

Нельзя согласиться и с утверждением Николая Черкашина о том, что «минная версия» очень удобна для командования флота. Как раз наоборот. Наличие в бухте мин свидетельствует о низком качестве траления и обследования водной акватории, которые производились в течение 11 лет после освобождения Севастополя. Возможность взрыва линкора от мины, конечно же, не означает, что следует исключить диверсию, даже если комиссия и не располагала тогда данными на этот счет. Но «минная версия» даже в настоящее время требует особого внимания к тем местам, где когда-либо производились постановки мин, пренебрежение этим недопустимо.

И. ДАВЫДОВ, капитан 2-го ранга, инженер в отставке, Севастополь